

Издательство

„Старованный Странник“.

АЛЬМАНАХЪ ВЕСЕННИЙ

1916 г.

(N 10)

Издательство

„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“.

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ:

9-го (зимняго 1915 г.):

Наменскій.—Три сестрочки Малявины.—А. Толмачевъ.—Въ городѣ, Последняя ночь.—Рюрикъ Ивневъ.—
—М. Нозыревъ.—Король.—Викторъ Ховинъ.—Отравныя орхидеи (О. Уайльда).—Н. Евреиновъ.—Инсцени
атра для себя.—Викторъ Ховинъ.—Великолѣпныя неожиданности.—Портретъ Оснара Уайльда.—Цѣна 35 к.

8-го (осенняго 1915 г.):

Н. Евреиновъ.—Общественный театръ на взглядъ познаващаго искусство „Театра для себя“.—Викторъ Хо
винъ.—Голосъ изъ подполья.—Борисъ Гусманъ.—Василій Каменскій. Безотвѣтные вопросы.

7-го (весенняго):

Игорь Стверянинъ.—Тіана.—А. Толмачевъ.—Ночь въ столицѣ.—В. Вертеръ.—*.*—А. Масаиновъ.—Японія.
М. Отруевъ.—*.*.—Викторъ Ховинъ.—Сквозь мечту.—П. Вольнинъ.—Могиломаны.—Б. Гусманъ.—Весенняя
проталины.—Безотвѣтные вопросы.

6-го (зимняго):

Игорь Стверянинъ.—Стихи въ ненастный день (III—VI). М. Нозыревъ.—Мальчикъ съ картинками (поэза).
Викторъ Ховинъ.—Футуризмъ и война.—Безотвѣтные вопросы.

5-го (осенняго):

Игорь Стверянинъ.—Стихи въ ненастный день (I и II). Д. Нрючновъ.—Газетнымъ поэтамъ, Любите поэтовъ
любите (поэза). Викторъ Ховинъ.—Елена Гуро.—„Людиамъ изъ биржевоновъ“ Изданіе 2-е (1-е распродано).

Цѣна 25 копѣекъ.

Альманахи I—IV и VI распроданы.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и Москвы.

Адресъ изд-ва: Невскій пр., д. 160, кв. 2. Тел. 45—90.

БАШНЯ СТУДИЯ ИСКУССТВА ТЕАТРА С. М. ВЕРМЕЛЬ.

Барановъ, Давидъ Бурлюкъ, Влад. Бурлюкъ, Ник. Бурлюкъ, Сам. Вермель, С. С. Игнатовъ,
ас. Каменскій, Аристархъ Лентуловъ, А. И. Мильманъ, Н. А. Рославецъ.

ИЗДАНИЯ СТУДИИ:

Весеннее контрагентство музъ. Сборникъ подъ редакц. Д. Бурлюка и С. Вермель, ц. 1 р.
Сам. Вермель — Танки, лирика, ц. 60 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Башня. Сборникъ поэтовъ.

ГОТОВИТСЯ:

Давидъ Бурлюкъ, стихи.—Вас. Каменскій, стихи.—Сам. Вермель, Великолѣпный цинизмъ, опытъ
парадоксальной эстетики.—Дм. Варавинъ, стихи.

АДРЕСЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Покровка, М. Успенскій 1, кв. 20 С. М. Вермель, т. 2—07—58.

Содержаніе альманаха:

С Т И Х И:

Елены Гуро, Ады Владиміровой, Юрика Ивнева, Михаила Козырева, Александра Толмачева и Виктора Хлѣбникова.

С Т А Т Ь И:

Виктора Ховина — „Вѣтрогоны, Сумасброды, Летатели“, Виктора Хлѣбникова — О простыхъ именахъ языка, Бориса Гусмана — «Опавшіе листья» (В. В. Розановъ), М. Матюшина — О выставкѣ „последнихъ футуристовъ“, Михаила Козырева — Ритмъ жизни, Открытое письмо Виктора Ховина.

Г О Р О Д Ъ.

Пахнетъ кровью и позоромъ съ бойни.
Собака безхвостая прижала осмѣянный задъ къ столбу.
Тюрьмы правильны и спокойны.
Шляпки дамскія съ цвѣтами въ кружевномъ дымку.
Взоры со струпами, взоры безнадежные
Умоляютъ камни, умоляютъ палача...
Сутолока, трамваи, автомобили
Не даютъ заглянуть въ плачущіе глаза...
И проходятъ, проходятъ сѣро-случайные
Не мѣняя никогда картонный взоръ.
...И сказало Грозное и сказало Тайное:
„Чей-то часъ приблизился и позоръ!“
.....
Красота, красота въ вѣчномъ трепетаніи
Творится любовью и творитъ изъ мечты!
Передаетъ въ каждомъ дыханіи
Образъ поруганной высоты.
— Такъ встрѣчайте же cadaго поэта глумленіемъ!
Ударьте его бичемъ!
Чтобъ онъ несъ свою пѣснь, какъ жертвоприношеніе,
Въ царствѣ вашей власти шель съ окровавленнымъ лицомъ!
Чтобы въ часъ, когда передъ лающей улицей
Со щечи его заструится кровь,—
Онъ понялъ, что въ міръ мясниковъ и автоматовъ
Онъ пришелъ исповѣдывать—любовь...
Чтобъ любовь свою, любовь вѣчную,
Продавалъ, какъ блудница, подъ насмѣшки и плевки,
А кругомъ бы хохотали, хохотали въ упоеніи
Облеченные правомъ убійства добряки!
Чтобъ, когда, все свершивъ, уже изнемогая,
Онъ падалъ всѣмъ на смѣхъ, на каменья въ полъ-пьяна,—
Въ глазахъ, подъ шляпой модной смѣющихся не моргая,
Отразилась все та же—картонная пустота.

Елена Гуро.

ЖУРАВЛИНЫЙ БАРОНЪ.

Кто-то бредитъ надъ сугробами свѣтлой нелѣпостью.

Какъ бредило небо—этотъ безумецъ—надъ городомъ, посылая клубами сіяніе февральскихъ облаковъ, посылая знакъ всѣмъ отовсюду, единый для всѣхъ, соборную чашу радости.

Бродилъ въ пустынной улицѣ духъ и трогалъ дверныя ручки... И махая веселыми руками, опрокинулъ чашу мира и дружбы прямо въ березы и елки, прямо въ городъ сквозь дымы фабрикъ. Прямо въ сердца, сраженные неожиданностью его юнаго баронскаго налета.

Не вытерпѣли его свѣтлаго бреда любви и радости. А его нелѣпые, открытые отъ сіянія, жесты послужили для того, чтобы сдѣлать ему больно и насмѣяться надъ нимъ.

— Что шумишь ты здѣсь, дерзкій безумецъ, ободранно радостный униженно-гордый журавлиный баронъ?

И приказалъ взбѣшенный сатана поймать рыцаря и бить его постыдно розгами.

И взяли, сломали прутики, развѣвавшіеся на небѣ въ предвесеннихъ призывахъ, трогавшіе обнаженностью небо и землю, и сдѣлали изъ нихъ розги для рыцаря.

А когда его въ танцѣ схватили и отдали истязателямъ,—и подъ ударами истязателей бредилъ свѣтомъ. Потому что разорвалась у него въ груди пелена и увидѣлъ въ свѣтломъ безуміи, какъ знакъ черезъ всю землю полосой смѣлой, синей и далекой посылала городу весенняя отважная любовь.

...„Пусть летитъ и звенитъ по весеннему небу моя журавлиная радость. Пусть летитъ моя гулкая журавлиная радость. Ей небо—этотъ сумасшедшій—посылаетъ знакъ, что уже переглянулись крайнія полосы и дали знакъ городу, знакъ отваги.

Звени долговязая журавлиная радость, а люди пусть смотрятъ на журавлей, какъ летятъ треугольникомъ, исчезая за вздрогнувшій лѣсъ... И махаютъ такъ же какъ я, длинными руками, и ничто не разсѣетъ ихъ прозрачный строй, даже смерть. И если примчится свинцовая вѣсть, ее приметъ настигнутая грудь и ринется по небу изогнутымъ крыломъ. И упадетъ одинъ или другой рыцарь полета и, падая, вздорогнетъ длинными ногами и кровь свою безавѣтно возвратитъ землѣ.

И уже грезитъ ихъ сумасбродствомъ лѣсная, далекая полоса“...

И насмѣялись надъ нимъ классически.

И смотрѣла земля, какъ Святая Марія Дѣва, немного улыбаясь, на рыцаря отваги и униженія, на рыцаря нелѣпости и добра, на рыцаря своего вѣрнаго.

А когда истерзанный и смѣянный всталъ—онъ послалъ все тотъ же безмѣрный жестъ рукой соборно открытаго всѣмъ привѣта,—отчего сумасбродная радость приснилась людямъ.

А небо надъ городомъ разорванныхъ и затѣсненныхъ трубило соборъ.

* * *

Если бь встрепенуться, жить горячо,
Чтобь даже столы и стулья заулыбались отъ радости,
Лампочка закивала говорящимъ лучомъ
Теплѣ вспыхнули звѣздныя заросли.
Закружиться бы въ восторгѣ танцующемъ,
Дни растормошивъ сонныя;
Сквозь жизни лишкую гущу
Пронести высоко сердце зажженное.
И оставивъ старую квартиру
Поселиться на зоревыхъ облакахъ...
— Но вѣдь чудесь не бываетъ въ мѣрѣ.
Что же мнѣ дѣлать пока?

ВЪ ТРАМВАѢ.

Гляжу на людей—
И уже не своя, а чужая.
Сладострастно насмѣхаясь,
Выгибають, изламываютъ, мнутъ
Боязливо приниженную, виноватую,
Плотно закрыть глаза,
Распластаться на полу трамвая,
Ничего не ощущать...
И одна мысль
Сверлитъ неустанно:
„Если бы никогда
Ни на кого не глядѣть“ ..

Ада Владимірова.

Душа, какъ свинець. Рабыней
Она рождена.
Ты видишь—въ пропасти синей
Звѣзда ясна.

Все—ясно; все—непреложно,
Почему же мнѣ
Все кажется хитростью, ложью,
И сномъ во снѣ.

Ты чувствуешь вѣтеръ снѣжный,
Слышишь, какъ кровь поетъ.
И тѣню несчастной и нѣжной
Блѣдный облакъ плыветъ.

А мнѣ?—только плакать глухо
Въ одинокой тиши.
Коснутся-ли Божьяго слуха
Молитвы порочной души?

* * *

Пусть страшно на темную воду
Глядѣть черезъ мостъ летя,
Пусть страшно терять свободу,
И страшно терять дитя,
Пусть страшно лицо неживое
Съ волненьемъ живымъ цѣловать:
Страшнѣй любопытство простое
За буйную нѣжность принять.

Рюрикъ Ивневъ.

КОРОЛЬ.

II *).

Развѣ можно сказать о себѣ правду?
Вовсе не правда, а мнѣ такъ кажется.
Да и я нисколько не буду обрадованъ,
Если правда сама расскажется.
Лучше, блуждая дорогами неровными,
Не знать, что отъ взглядовъ спрятано;
Если свѣтъ погасишь во время,
Всегда останется непонятное.
А на бѣлыхъ листахъ незнанія
Можно разныя разставить буквы—
Въ невѣрныхъ невѣдомаго названіяхъ
Только намеки смутные,
Но въ каждомъ обманутая мудрость
И боль распятой лжи..
И не нужно упрямаго утра,
Если вечеръ глаза смежилъ.

* *
*

III.

Если взглянуть глазами большими
Въ праздничную душу своихъ будень,—
Можно узнать свое настоящее имя,
Не то, какимъ называютъ люди.
И тогда за потрепаннымъ переплетомъ
Прочтешь страницы своей книги
И скрытыхъ въ душѣ полотень
Живые разглядишь лики.
Я не знаю, имя у меня какое,
Только навѣрное очень свѣтлое,
Гордое молчаніемъ успокоеннымъ,
Солнечное и безвѣтренное.
Но оно ничего не скажетъ
Тому, кто будетъ спрашивать,
И въ немъ, я боюсь даже,
Нѣтъ ничего нашего:
Того разнаго, что просить и молится,
Что бываетъ радо и не радо..
Но на томъ можно-ли успокоиться?
Оттого мнѣ имени не надо.

Михаилъ Козыревъ.

*) Первое стихотвореніе этого цикла помѣщено въ зимнемъ выпускѣ (IX).

А. Д.

Приду взволнованный, пьяный, хороший,
Сяду и много, много расскажу...
Будутъ слова мои значительнѣй и строже
Трезвыхъ, ненужныхъ, какъ рыночный шумъ.

По глазамъ лихорадочнымъ и блестящимъ
Вы поймете, отчего я пришелъ...
Такимъ непохожимъ, до крика настоящимъ
Я бываю, когда черезчуръ тяжело...

Засмѣетесь, — Вы думали взрослыхъ
Не пугаютъ уличные фонари...
Буду курить за папирсой папиросу
И слишкомъ понятно говорить...

А если пустую, какъ сцена безъ декорацій,
Вытащу душѹ, брошу и заплачу надъ ней?..
Развѣ можно пьяному притворяться?!
Развѣ можно убивать дѣтей?..

Догоняя другъ друга, охваченныя дрожью,
Будутъ слова метаться по угламъ тоской...
Приду я пьяный, но все-таки хороший,
Неприласканный, тихій, простой...

Александръ Толмачевъ.

Вы помните? я щеткамъ сапожнымъ
Малую Медвѣдицу повелѣлъ отставить отъ ногъ подошвы
Гривенникъ бросилъ вселенной и послѣ тревожно
Изъ старыхъ словъ сдѣлалъ крошево.
Гдѣ конницей столѣтій ораны
Лохматя пашни бѣлой зари,
Я повелѣлъ быть крыломъ ворону
И небу сухо замѣтилъ: умри!
И когда мнѣ послѣ приспичилось
Я, чтобъ больше и дольше хохотать
Весь родъ людей сломалъ, какъ коробку спичекъ
И началъ стихи читать.
Былъ шаръ земной
Прекрасно схваченъ лапой сумасшедшаго!
За мной!
Бояться нечего!

Викторъ Хлѣбниковъ.

Динамиту, господа, динамиту!

— Взрываемъ часть своего прошлаго. Сами взрываемъ въ упоеніи свершаемаго подвига!

Не подумайте только, что здѣсь роль играютъ какіе то юбилейные сроки, ибо то выпускъ все-таки юбилей.

Однако, взрывъ динамитный отнюдь съ нимъ не связанъ.

Это такъ ужъ издавна пошло, что оглядка назадъ и нѣкій почтительнѣйшій реверансъ передъ будущимъ всегда приноровляются къ юбилейнымъ и инымъ срокамъ и даже часто носятъ названіе особое—«переоцѣнки всѣхъ цѣнностей».

Но только тутъ никакой переоцѣнки и нѣтъ, а просто старенькіе рельсы на окраинахъ нашего города взорвать необходимо. Для насъ ли они?

Выступивъ на неутрамбованную дорогу литературнаго новаторства и приверженный ему всѣмъ чувствительнымъ своимъ, «Очарованный Странникъ», сознаться нужно, попалъ изрѣдка на рельсы изъѣзженные и «надармовщину» по нимъ прокатывался.

Что скрывать, что и дармовщина бывала? А жизнь то творческая донельзя не любить ее.

И грузъ съ собою «Очарованный Странникъ» взялъ препорядочный.

Горбомъ сидѣло на спинѣ наслѣдье прошлаго и понукалъ брюзжащій старикъ и силъ на него потрачено было не мало.

Но такъ и должно было случиться, что и грузъ взятый съ собою и слова, поднятыя въ мірѣ прошлаго, все это оказалось въ неприемлемой враждѣ съ настоящимъ «Очарованнаго Странника».

— Старый истрепавшійся чемоданъ декаданса, напрасно пытались открыть новенькимъ ключикомъ, а старая, прогрессивнымъ параллелемъ пришибленные, недвижныя слова и понятія наполнили не приспособленнымъ къ ихъ вмѣстилищамъ содержаніемъ, такъ что слова дали трещины и рисковали остаться безъ всякаго содержанія.

А вотъ теперъ:

Динамиту, господа, динамиту!

„ВЪТРОГОНЬ, СУМАСБРОДЬ,
ЛЕТАТЕЛИ“!.. *)

Вѣтругонь, сумасбродь, летатель,
создатель весеннихъ бурь,
мыслей взбудораженныхъ ваятель,
гонящій лазурь.
Слушай ты, безумный искатель.
мчись, несись,
проносись, нескованный
опьянитель бурь.

Елена Гуро.

О вѣтругонахъ, сумасбродахъ, летателяхъ
будутъ слова мои и слова эти брошу я въ
лицо современности, брошу въ лицо публич-
наго искусства, столь превыспреннаго на хо-
дуляхъ своихъ, разукрашеннаго сусальнымъ
золотомъ, надушеннаго сладчайшими пачу-
лями базарной продажности,—искусства увѣн-
чанной лаврами преодолѣнной бездарности,
забывшей о горделивой дерзости, вложенной
въ слово:

творчество!..

Поймите же, г-да, что нельзя больше
жить въ атмосферѣ вашего публичнаго искус-
ства, въ атмосферѣ той потрясающей пош-
лости, которая называется *художественными*
отдѣлами толстыхъ журналовъ, въ атмосферѣ
безлюбыхъ сужденій объ искусствѣ всѣхъ
этихъ академикомъ, профессоромъ и доцен-
товъ, приносящихъ живое творчество, дер-
зостное порываніе къ новизнѣ, приносящихъ
ихъ въ жертву доктринерскимъ положеніямъ,
извлеченнымъ изъ энциклопедіи человѣческой
культуры, этой отвратительной анатоміи духа
человѣческаго.

Вѣдь поймите, что потеряно живое чув-
ствованіе міра, живое ощущеніе жизни, дви-
женія, динамики его; поистинѣ настало мер-
твое царство мертвыхъ вещей...

И не потому-ли, когда футуризмъ пы-
тался вернуться къ живому ощущенію міра
и вещей, когда онъ пытался вернуть къ чув-
ствованію динамики жизни и самое искусство,
то вы встрѣтили этотъ дерзостный порывъ
столь неосмысленнымъ гоголомъ?

И не потому-ли, когда футуристическое
искусство заговорило живымъ неожиданнымъ
языкомъ, отвѣчающимъ его живому мироощу-
щенію, когда оно ушло отъ безрадостныхъ,
беззвучныхъ, безличныхъ словъ, — отъ мер-
твыхъ словъ о царствѣ мертвыхъ вещей, то
и тутъ вы не переставали смѣяться?

Мы плѣнные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ,
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ

Къ повтореніямъ сердце привычно,
Однозвучно и скучно кукуемъ.
Все въ звѣринцѣ безлично, обычно,
Мы о волѣ давно не тоскуемъ.

*) Извлеченія изъ страницъ, прочитанныхъ на пуб-
личномъ выступленіи „Очарованнаго Странника“ 11-го
декабря въ Петроградѣ, и дополненія къ нимъ.

Къ повтореніямъ сердце привычно!...
О, развѣ же не на повторности зиждится
и ваше мироощущеніе, и ваша эстетика, и
языкъ вашъ; *развѣ же* не на безличіи и обыч-
ности?

Когда футуристы въ брошюрѣ «Слово
какъ таковое» издѣвались надъ тѣми требо-
ваніями, которыя предъявляете вы къ языку, —
надъ требованіями ясности, чистоты, звуч-
ности, пріятности для слуха, когда писали
они, что языкъ долженъ походить скорѣе
всего на пилу, или отравленную стрѣлу ди-
каря, то развѣ поняли вы, что тяготятся они
ужаснымъ наслѣдьемъ искусства прошлаго,
что тоскуютъ они по новымъ формамъ, но-
вымъ словамъ и новымъ сочетаніямъ ихъ,
которыя дали бы истинно эмоциональное ощу-
щеніе міра.

И когда эстетики изъ «Современныхъ Мі-
ровъ» говорятъ о понятныхъ и ясныхъ про-
изведеніяхъ искусства, то восхваляютъ они
все то же *однозвучное* и *скучное* кукованье,
восхваляютъ все то же окаменѣлое слово,
которое находится въ услуженіи у шабло-
наго воспріятія міра.

Но что же сдѣлали «освободители слова»,
тѣ, кого называютъ теперь символистами?

Сколько «благороднаго пота» потратили
они на то, чтобы пріукрасить языкъ свой.
Дѣйствительно же поэзія ихъ стала безголо-
сой сливочной тянучкой. И *свое, самоцѣль-
ное*, слово они снова отдали въ услуженіе
не менѣе мертвому мироощущенію, окутан-
ному на этотъ разъ мистическимъ туманомъ.

«Слова суть тѣни переживаній» — писалъ
гдѣ-то символистъ Андрей Бѣлый. Но только
какъ же относиться къ словесному искусству
послѣ такого признанія? Повѣрять на слово
Андрею Бѣлому, что у символизма остается
еще «избытокъ» непередаваемыхъ восторговъ и
страданій, — повѣрять-то ему можно, только
творчество отъ этого ничего не выиграетъ;
такъ при безсильномъ пессимизмѣ и оста-
немся.

Замѣчаніе Андрея Бѣлаго цѣликомъ изъ
Тютчева исходитъ:

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ-ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Но только все въ этомъ скверномъ чет-
веростишіи неправда.

Зачѣмъ высказывать сердце свое черезъ
мысль, черезъ логику? Не смазнымъ сапожи-
щамъ разсудка имѣтъ дѣло съ нюансами ду-
шевыми, а интуитивному постиженію.

Только для такого интуитивнаго пости-
женія необходимо постичь и эмоциональную
основу словъ, почувствовать ихъ, — почувство-
вать ихъ не написанными, а звучащими. Тогда
слово взнуздаетъ переживаніе, осѣдлаетъ его,
перестанетъ быть тѣнью.

Вотъ психологи доказываютъ, что когда читаемъ мы, то замѣчаемъ только первыя буквы, первыя черточки, остальное же дополняемъ по привычкѣ. И психологи радуются—такая экономія времени!

Но только позвольте, какже это поэтъ пишетъ: «есть слова—ихъ дыханье, что цвѣтъ, также нѣжно и бѣлотревожно»...

Хорошо, однако, дыханье словъ, когда видишь только первыя черточки.

Черточки — каково выраженье?

Богъ съ ней, съ экономіей. Невольно поймешь нарочитое заявленіе Хлѣбникова и Крученыхъ, «чтобы писалось туго и читалось туго, неудобнѣ смазныхъ сапоговъ или грузовика въ гостиной». Какъ бы не писалось, лишь бы только отъ черточекъ избавиться и власть тѣней всяческихъ съ себя сбросить...

Ну, гдѣ же разсудку понять поэта:

«Отъ счастья лѣтняго рождаются слова.
Все хорошія слова:

Прудикъ, водикъ,
бродикъ
верблюдикъ
растерятикъ
пароходикъ.

Или еще: «Скалочка? Это просто такъ я выдумалъ. Скалочка. Это должно быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой»...

Такъ вотъ, г-да, слова рождаются и рождаются отъ счастья лѣтняго или отъ чего-нибудь другого, но такого же.

Вы навѣрное помните великолѣпный діалогъ Донъ-Кихота и Санчо Пансо:

— «Когда ты приблизился къ ней,—спрашиваетъ Донъ-Кихотъ, не повѣяло-ли на тебя восхитительнѣйшими ароматами?»

— Никакихъ запаховъ я не слышалъ отъ нея, кромѣ одного,—отвѣтилъ Санчо, происходившаго вѣрно отъ того, что, работая, она страхъ, какъ потѣла».

И когда Донъ-Кихотъ увѣряетъ, что это у него, у Санчо, былъ насморкъ или отъ него самого такъ пахло, то безсмертный Санчо соглашается: «пожалуй, что свой собственный слышалъ я; — я точно зачастую слышу отъ себя такой же самый запахъ... и ничего тутъ мудренаго нѣтъ, потому что одинъ чортъ похожъ на другого»...

Одинъ чортъ похожъ на другого... Еще бы не похожъ!

Какъ же было не узнать толпѣ, этому многоголовому Санчо-Пансо своего искусства, какъ же было не полюбить его? И какая милая откровенность—сознаться, что его собственнымъ потомъ отдастъ весь міръ.

Поистинѣ трагическое положеніе. Значить, міръ и вещи сами по себѣ, а Санчо-Пансо со своимъ надобливимъ и вѣчно неотступнымъ запахомъ тоже самъ по себѣ...

— «Я даю обѣтъ — писала Елена Гуро, никогда не печататься въ вашихъ журналахъ и не быть какъ всѣ, и не отнимать жизни у животныхъ».

Да и какже иначе: или разжиженная амбра или, извините, запахъ пота. Примиренія не найдите: или ваше искусство, или не быть какъ всѣ...

Скучно, до одури скучно, съ вами, г-да! Вотъ, какъ послушаешь, напр., плеяду академикомъ всякихъ, о Достоевскомъ говорящихъ,—это было сравнительно недавно,—какъ они дѣтей то духа Достоевскаго подъ апплодисменты публики по учебникамъ психіатріи разъясняютъ, какъ слушаешь это, го только и думаешь, *что бы сдѣлать*, чтобы академики замолчали.

На все готовъ, чтобъ изъ тины выскочить. Мальчишество!—скажите. Ну, да, мальчишество...

Вотъ въ бѣломъ туманѣ города утренніе торопливые шаги.

«Куда ты бѣжишь? Я бѣгу къ искусству, я съ каждымъ шагомъ приближаюсь къ нему, мнѣ нипочемъ лужи, грязь и вѣтеръ»...

Вотъ сумасбродъ, дѣйствительно! Бѣжить, да еще черезъ лужи и грязь.

А зачѣмъ бѣжать? — спросить разсудительный Санчо. Ежели искусство, такъ искусствомъ и дома, въ теплѣ заниматься можно.

Чего, спрашивается, взбудоражился и утромъ на дождливую улицу выскочилъ?

Ну-ка объясните для чего?

— Бѣжить со всѣмъ своимъ чувствилищемъ къ жизни и въ жизнь и ужасно беспокоится за каждую пылинку живого, ужасно оскорбляется за всѣхъ этихъ хмурыхъ и злобныхъ, идущихъ незрячими по улицѣ и потомъ униженно просящихъ пророковъ своихъ дать имъ хоть немножко сусальнаго золота, чтобъ могли скрасить они жизнь свою неприласканную.

А за поэтами уличныя тыщи
Студенты протитутки подрядчики
Господа!
остановитесь
вы не нищие
вы не смѣете просить подачки.

Не смѣте!..

Привыкнувъ къ героической ходульности, къ фабрикованнымъ тэтовскимъ брильянтамъ, своимъ то чувствилищамъ вы ни на грошъ не вѣрите, а какъ жизни коснетесь, такъ только потъ и чувствуете.

Вотъ, если бы вы поняли Маяковского:

Плевать, что нѣтъ у Гомеровъ и Овидіевъ

людей *какъ мы*

отъ копоты въ оспѣ.

Я знаю

Солнце померкло бъ увидѣвъ
нашихъ душъ золотыя росыни.

Но развѣ же Санчо услышитъ? Развѣ пойметъ какъ это такъ, безъ нужды, по лужамъ шлепать, для чего это люди безъ видимої причины, отъ скуки одной, съ ума сходятъ?..

А что скучно теперь, такъ по моему и спорить нельзя. Стоитъ только надъ символизмомъ подумать, ибо вѣдь *онъ*, символизмъ, и есть самое значительное, самое серьезное въ искусствѣ сегодняшняго дня.

О, вѣшая душа моя.

О, сердце, полное тревоги.

О, какъ ты бьешься на порогѣ

Какъ бы двойного бытія...

Изъ этого тютчевскаго четверостишія и пошелъ весь символизмъ русской, недаромъ символисты такъ любили его и такъ часто цитировали.

Дерзновеніе за грань, порываніе за предѣлы познаваемого, — къ стихіи чуждой, за предѣльной, экстазъ сверхчувственной интуиціи, постиженіе иныхъ міровъ и т. д., и т. д., — вотъ это все и есть истоки русскаго символизма. Символизмъ первый заговорилъ объ интуиціи и въ этомъ его громаднѣйшая заслуга, но какъ то фатально интуиція разбилась о разсудочность символизма, утонула въ мертвыхъ, отвлеченныхъ и общихъ понятіяхъ.

«Мы распростерты на зѣмлѣ передъ алтаремъ Невѣдомаго, молимся Тайнѣ въ сладкомъ волненіи», — писалъ Георгій Чулковъ. Не знаю, какъ вамъ, но мнѣ отвратительна эта пустая значительность, эта таинственная рѣчистость. И какъ часто сбивался на это символизмъ и какъ въ концѣ концовъ канулъ онъ въ пустоту *такой* значительности.

«Безмолвныя и глубокия воды таятъ подъ тонкой оболочкой каждодневной жизни», — говоритъ Метерлинкъ. И по моему, когда слышишь это въ первый разъ, то звучитъ это совсѣмъ не скверно. Но когда армія символистовъ, упершись лбами о стѣны, повторяетъ это безчисленное число разъ, то это выходитъ хуже и совсѣмъ, *совсѣмъ* не таинственно.

И когда самъ Метерлинкъ, умѣющий быть иногда ясновидящимъ, думаетъ, какъ вѣрно замѣтилъ Крученыхъ, что дверь, повторенная сто разъ, преобразается въ откровеніе, то и это выходитъ совсѣмъ не глубоко и не безмолвно.

Послѣднія теоретическія статьи символистовъ — дѣйствительно символическіе памятки, воздвигнутые ими самимъ себѣ.

Какой кладезъ премудрости всяческой, какая бездна знаній, ума-палата, но гдѣ же, гдѣ пульсъ этихъ живыхъ покойниковъ?

Заперлись въ темномъ храмѣ, плотно забили всѣ щели, возжгли восковыя свѣчи передъ пустыми нишами и лежатъ распростертые...

Темно и душно. Молчаливая пустота...

Мистика, *безтребетная мистика* опустошенныхъ безвѣрныхъ душъ; постиженіе иныхъ міровъ безъ полета, — не даромъ распростерты; устремленіе къ стихіи чуждой за предѣльной, безъ дерзанія...

А что, если бросить крикъ въ это молчаніе? Что если выбить «глухозапертыя двери», чтобъ ворвались сюда жизненное солнце и трепеты лунолученій?..

А что, если прямо такъ-таки засмѣяться въ лицо этимъ докучнымъ маскама? Или пройтись головою внизъ отъ избытка радости?..

И вотъ отъ многозначительныхъ словъ, отъ школьнаго догматизма и разсудочности, отъ принудительной позы жречества, отъ пифійскихъ вѣшаній должна была уйти новая русская поэзія и она ушла отъ нихъ.

Поэзія, рожденная неожиданной стихіей бессознательнаго, послѣдняя душевная вскрываемость, глубинныя слова, бросаемаыя откуда-то изнутри, — вотъ устремленіе новой поэзіи...

Устремленіе это только отчасти характеризуетъ футуризмъ, но оно захватило значительно большее число поэтовъ, пути которыхъ идутъ мимо боевой и разрушительной дѣятельности футуристовъ и устремленіе это неразрывно связано съ именемъ футуристки Елены Гуро.

Я когда-то писалъ объ Еленѣ Гуро, что поэзія ея — поэзія материнства. И потому-то, быть можетъ, дѣлое поколѣніе молодыхъ поэтовъ питаетъ къ ней сыновью, поистинѣ сыновью любовь.

И нельзя говорить о влияніи ея на современную поэзію, о подражаніи ей молодыхъ поэтовъ, ибо все это гораздо больше влиянія и значительнѣе подражаній.

Елена Гуро дѣйствительно сумѣла взглянуть міру въ глаза и дѣйствительно почувствовала душу его.

И случилось чудо постиженія, чудо интуиціи и «душа вышла изъ границъ» навстрѣчу міру и услышала она «миги живыми и душу ихъ соединеній».

Въ творчествѣ ея нѣтъ посяганій на то, чтобы быть чѣмъ-то бѣльшимъ, чѣмъ поэтъ, — претензій на жречество, нѣтъ увѣреній, *именно увѣреній*, въ молитвенныхъ созерцаніяхъ, нѣтъ Тайнъ съ большихъ буквъ, а есть только большіе, большіе лучистые глаза и большая, большая душа, упоенная бѣлымъ экстазомъ...

Радостная въ ясновидѣніяхъ своихъ, она всегда бѣжитъ отъ отвлеченныхъ и общихъ понятій, обезличивающихъ міръ и вещи, и всегда стремится къ конкретному, къ проникновенію внутрь предмета, къ слянію съ его индивидуальной природой, къ слянію съ постоянной, непрерывной творческой измѣнчивостью, текучестью жизни.

Это не реализмъ съ его докучнымъ опистательствомъ застылаго міра внѣшнихъ фак-

товъ и обстоятельство, не реализмъ съ его поджавшимъ хвостъ разсудкомъ, увѣреннымъ, что непознаваемое нельзя познать.

И это не символизмъ, распростертый передъ лишенной плоти Психеей, не символизмъ съ его отвлеченной психологичностью, съ его обглоданнымъ міромъ схемъ, съ его «Нѣктами въ сѣромъ», стоящими во всѣхъ углахъ для надоѣдливаго напоминанія о глубокомыслии сушаго.

И какое, господа, великолѣпное и радостное совпаденіе, но такъ и должно было случиться, что въ мірѣ, постигнутомъ интуиціей, какъ стихійный потокъ безконечныхъ жизней,—въ мірѣ, гдѣ все индивидуально, все само по себѣ, все гордое «не тронь меня», что именно въ этомъ мірѣ родились глубинныя слова, родилась душевная вскрытость, характеризующія устремленія современнаго творчества.

— «Какъ найти мнѣ,—писала Елена Гуро,—настоящія дорогія мысли? Чтобы не сочинять мнѣ чужого и случайнаго. Вѣдь доходить же до меня весеннее».

Видѣть міръ просвѣтленнымъ, почувствовать живую душу пылинки живого и не имѣть своего, *своего собственнаго голоса*, своихъ, непременно своихъ словъ, о, конечно же, этого не можетъ быть, этого *не должно* быть! Вѣдь дошли же до нея небо и свѣтъ зелени, вѣдь она же «прямая и горячая»?...

И въ порывной дѣтскости своей она снова и снова клянется: «надо быть искреннимъ и не бояться, что стыдно... здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя»...

Почти что наканунѣ того дня, когда задумалъ я свои страницы о поэзіи взбудораженныхъ душъ,—душъ, блуждающихъ въ путяхъ мечтательнаго общенія съ жизнью, увѣровавшихъ въ чудо сверхчувственнаго постиженія міра, почти что наканунѣ этого дня вышла книга Евреинова «Театръ для себя».

— Но позвольте, позвольте,—спросите вы, при чемъ же тутъ Елена Гуро, при чемъ поэзія взбудораженныхъ душъ?

Гдѣ связь этого крикливаго позерства, звона бубенцовъ, крикливой арлекинады съ поэзіей душевной вскрытости?

Да, это—поистинѣ нелѣпая неожиданность, поистинѣ нежданнй парадоксъ, но тѣмъ великолѣпнѣе онъ. Самая неожиданная глава книги Евреинова,—глава, вскрывающая весь сокровенный смыслъ «Театра для себя», называется «Донъ-Кихотъ и Робинзонъ».

— Какъ, и тутъ Донъ-Кихотъ?—изумляется вы.

Но послушайте, какія странныя слова раздадутся въ театрализованномъ мірѣ Евреинова:

— «И Донъ-Кихотъ и Робинзонъ, оба не хотѣли быть здѣшними, ибо здѣшность для нихъ начала прозябаніе въ подчиненіи развѣстланному»,—вы слышите, г-да, *развѣ уста-*

новленному, ибо здѣшность «являетъ оковы мечты, пути вольнаго духа... Мы не хотимъ этого міра. Ну его. Онъ намъ противенъ во всей своей нищенской ободранности, во всей своей наготѣ опытомъ даннаго. И мы не вѣримъ въ него, и онъ намъ скученъ, и не нашъ этотъ міръ, совсѣмъ не нашъ»...

Воля къ нездѣшнему, воля къ «театру для себя» для Евреинова не только значитъ не быть какъ всѣ, но и не быть самимъ собой.

Т. е., какъ это не быть самимъ собой?

Да, да, не быть самимъ собой, т. е., значитъ не принимать и себя, и міръ, какъ *развѣ установленное*, не принимать ихъ разсудкомъ, а созидать какое-то свое личное, интимное, *творческое* общеніе съ жизнью, *созидать* именно то, что Елена Гуро называла «*своимъ голо-*

— Когда я говорю «театръ», я слышу разговоръ ребенка съ неодушевленными предметами,—пишетъ Евреиновъ.

Но вѣчная дѣтскость, вѣчное мальчишество, какая-то юношеская ласкательная дружба къ предметамъ, да, вѣдь, это то, чѣмъ жила Елена Гуро.

— «Мнѣ уже 34 года,—пишетъ она, но я убѣждала отъ собственныхъ гостей. Чтобы не замѣтили съ опушки, пришлось низко прилечь лицомъ ко мху, къ старымъ еловымъ шишкамъ».

Ну, развѣ же это не «театръ для себя»? И еще: «здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя... И пусть за мной никто не ухаживаетъ, я сильна».

Я сжимаю кулаки, но я одна и кругомъ *величественно*»...

Ну, развѣ же такая величественная гримаса, это—не та искренность, которая осуществляется ребенкомъ, предоставленнымъ въ дѣтской самому себѣ?..

И вотъ смотрите, г-да, какъ другой поэтъ черезъ боль и муку, черезъ трагизмъ идетъ къ своимъ мыслямъ, къ своему голосу.

Я говорю о В. Маяковскомъ.

Слушайте же:

Книги?

Что книги.

Я раньше думалъ книги дѣлаются такъ:

Пришелъ поэтъ

Легко разжалъ уста

И сразу запѣлъ вдохновенный про-
стакъ:

Пожалуйста.

А оказывается

Прежде чѣмъ начнетъ пѣться

Долго ходятъ, размазольвъ отъ бро-
женія

И тихо барахтается въ тинѣ сердца
Глупая вобла воображенія,

И пока выкипчиваютъ риомами
пиликакая
Изъ любвей и соловьевъ какое-то
варево

Улица корчится безъязыкая
Ей нечѣмъ кричать и разговаривать...

Совсѣмъ другой чѣмъ Елена Гуро, но та же
боязнь чужой красоты, та же тоска по своимъ
мыслямъ.

Тутъ постигнуть трагизмъ жизни
Улица муку молча перла
Крикъ торчкомъ стоялъ изъ глотки...

Такъ неужели же, когда безъязыкая кор-
чится она, неужели же варить изъ любвей и
соловьевъ какое-то варево?

И если Гуро постигла сладость душевной
вскрытости, если въ ея голосѣ звучала пусть
грустная, но все же просвѣтленная глубинность,
то Маяковский позналъ тяготу раскрытія себя.

Поэтъ трагического, онъ самъ трагиченъ,
трагична вскрытость его, трагиченъ, мучите-
ленъ для поэта голосъ его.

— «А себя, какъ я, вывернуть не можете»,
— бьется въ истерикѣ Маяковский...

И снова все тотъ же парадоксъ, парадоксъ
«театральности для себя»: въ желтой кофтѣ,
въ гримасахъ и корчахъ бьется свой, *настоя-*
щій свой голосъ, — голосъ Вл. Маяковского.

«Боже, избавь меня отъ чужой красоты.
Какъ найти мнѣ настоящія, дорогія мысли?»..

И онъ нашелъ . . . . .

— «Беру кусокъ жизни и творю изъ него
сладостную легенду», — писалъ когда-то Соло-
губъ. Но только не думайте, что, когда говорю
я о мечтательномъ общеніи съ жизнью, о но-
вомъ творимомъ искусствомъ мірѣ, то говорю
я объ этихъ сладостныхъ, слишкомъ сладост-
ныхъ, легендахъ.

Да, творимый міръ, но творимый совсѣмъ
по иному, чѣмъ это думалось раньше.

«Поэтъ — даятель, а не отниматель жизни. .
Моя рука подняла камешекъ и бросила... кру-
жась спиралью онъ очертилъ арку надъ кра-
емъ лѣса въ голубой странѣ... Онъ былъ всю
жизнь на землѣ и вдругъ моя рука дала ему
полетъ».

Такъ и тотъ просвѣтленный, творимый
мною міръ, онъ все время былъ на землѣ и
моя рука, воля моей божественной интуиціи
дала ему полетъ, дала ему жизнь.

И какую жизнь? Не отрѣшенную жизнь
творимыхъ сладостныхъ легендъ, а настоящую
жизнь во мнѣ, неразрывную со мной, ибо
вѣдь недаромъ же я, поэтъ, — даятель жизни.

Мысли объ отрѣшенномъ искусствѣ, о сла-
достныхъ легендахъ, о человѣческомъ и бо-
жескомъ въ писателѣ, при чемъ легенды то
и есть божественное, всѣ эти мысли, прине-
сены съ собою символизмомъ русскимъ *).

Но только вы повѣрьте же, г-да, такимъ
простымъ словамъ: «если очень полюбить
стройную вершинку, можно ли затѣмъ кого-
нибудь обмануть?»..

И если только разъ увидѣть міръ просвѣт-
леннымъ, взглянуть въ глубокіе, глубокіе глаза
его, то можно ли забыть это видѣніе?

Поймите же, что здѣсь не многолюдные
храмы, не всенародное искусство, не жрече-
ское передъ большой толпой, не праздничное,
ибо и праздничное, и жреческое, и многолюд-
ные храмы, это нарочитое, витіеватое, напы-
щенное, въ зеркало смотрящееся, вѣчно наблю-
дающее за своимъ отраженіемъ, — театраль-
ность для другихъ.

Нѣтъ здѣсь — не это, а все для себя, все
такое, когда человѣкъ одинъ или какъ одинъ
и когда только о своемъ, безъ зеркала, безъ
отраженія. Или, наоборотъ, это можетъ быть
и площаднымъ, значить темпераментъ тре-
буетъ такого, тутъ человѣкъ тоже какъ
одинъ, только на тумбѣ стоитъ или за фо-
нарь уцѣпился, и тоже о своемъ, только го-
лосъ (тоже свой) — крикливый, чтобъ
слышно было. Это — площадность, публич-
ность, но не всенародность, не храмъ, не такъ
какъ на пьедесталѣ стоять — прихорошенные,
расчетливые и рассчитанные.

Ну, развѣ же «Облако въ штанахъ» Мая-
ковского это — творимая легенда? Хороша ле-
генда, когда крикъ стоитъ торчкомъ изъ горла.

А «театръ для себя» Евреинова? — «Если
вы любите сказку, вы должны хотѣть этой
сказки и въ жизни»... Должны хотѣть и въ
жизни.

А Елена Гуро съ ея обѣтами и вѣчными,
вѣчными клятвами? Развѣ о творимой легендѣ
говоритъ она, т. е. о такой, которая будучи
сотворена какимъ-то нечеловѣческимъ, божест-
веннымъ духомъ въ человѣкѣ, бросается въ хо-
лодную недосыгаемую глубь небесъ и оттуда
свѣтитъ намъ холодными и чуждыми огнями.

Не легенда творимая, а жизнь творимая...
Мечтательное общеніе съ жизнью?

Ну, да, — только не слонявая, бессильная,
ни къ чему не обязывающая сентименталь-
ность, ни тоска по далекой Ойле, — тоска
умолкнувшихъ душъ, этихъ спокойныхъ до-
мосьдовъ поруганнаго ими же міра, а ласка-
тельное общеніе съ жизнью, непорочная вѣр-
ность, — вѣрность ясновидѣніямъ взбудоражен-
ныхъ душъ своихъ.

Съ мыслями, раздавленными подъ тяже-
лыми колесами грузовиковъ, съ нервами, прон-
зенными иглами громадныхъ электрическихъ
шаровъ, подъ аккомпаниментъ шумливыхъ
рычаговъ механизированнаго міра

Мы каторжане города лепрозога
Гдѣ золото и грязь изъязвили про-
азу

Мы чище венеціанскаго лазья
Морями и солнцами омыта сразу.

*) По этому поводу «Голосъ изъ подполья» въ
восьмомъ выпускѣ „Очарованнаго Странника“.

И намъ не нужно опрыскивать канканирующую вокругъ насъ дѣйствительность фи-
мамами фабричныхъ парфюмеріи, не надо раз-
брасывать на тротуарахъ вульгарные бумаж-
ные цвѣты и воздвигать на всѣхъ перекрест-
кахъ идоловъ съ провалившимися глазами.

Намъ ли,—говорить Маяковскій:

Смиренно просить помочь мнѣ
Молить о гимнѣ объ ораторіи
Мы сами творцы въ горящемъ гимнѣ
Шумѣ фабрики и лабораторіи.
Что мнѣ до Фауста фееріей ракетъ
Скользящаго съ Мефистофелемъ въ
небесномъ паркетѣ

Я знаю
Гвоздь у меня въ сапогѣ
Кошмарнѣй чѣмъ фантазія у Гете.

Это еще герой Достоевскаго метался по
комнатѣ и разрывался желаніемъ однимъ—
собрать свои мысли въ точку и непремѣнно
въ одну. Такъ онъ то метался потому, что
рядомъ въ комнатѣ трупъ жены самоубійцы
лежалъ и точкой-то разрывался онъ потому,
что ему нужно было трупъ побѣдить, жизнью
его осидить, чтобы трупъ *его* собою не раз-
давилъ. А намъ-то ужъ давно приходится
метаться, ибо у насъ не одинъ трупъ, а или
все—трупы, и улица трупъ, и машины по ней
бѣгущія—трупы, и люди, пританцовывающіе
по тротуарамъ маріонетками—тоже, или
все это живое, потокъ жизни творящее и жи-
вымъ потокомъ несомое. Вѣдь точка, въ ко-
торую собрать нужно всѣ мысли, вѣдь точка
эта—наша связь съ міромъ, съ жизнью всей,
безъ нея ни одной мысли оставить нельзя.

Точка наша и заставляетъ плевать насъ на
красоту, французскими каблучками щеголяю-
щую, она то и заставляетъ насъ бѣжать и
отъ «звуковъ небесъ», и отъ «ангельскихъ
хоровъ».—Изъ тѣста живого сдѣланы и нервы
въ немъ *такіе* заостренные, обнаженные.

Возвышенная или невозвышенная наша
жизнь—не знаемъ, только своею, непремѣнно
своею, жить хотимъ.

Живое закорчилось въ душѣ и сами закор-
чились въ мірѣ живомъ. Только не подумайте,
что разъ корчи, такъ ужъ значитъ обуяны
трагизмомъ, пессимизмомъ залаплены; кор-
чигся вѣдь можно и съ восторгомъ, въ ра-
дости необычайной. Но только не мѣсто тутъ
олимпійскому созерцанію; непристойностью
кажутся ряды колоннадъ величественныхъ,
а линіи эстетныя, закругленностью и мастер-
ствомъ блистающія, такъ тѣ—прямо противны
и для жизни оскорбительны.

А кто же, какъ не мы, за жизнь отвѣ-
чаемъ?

И вотъ,

Вѣтрогоны, сумасброды, летатели!..

Вѣрные обѣту высоты, полета и вѣчнаго
мальчишества, вы должны обѣщать.

Обѣщайте же:

Обѣщайте бѣжать отъ реалистовъ, этихъ
скопцовъ духа, раболѣпствующихъ передъ
разсудочнымъ знаніемъ міра, ничего не про-
зрѣвающихъ за внѣшней оболочкой опытомъ
данной, ограниченной дѣйствительности, омерт-
вившихъ слово, отдавъ его въ услуженіе ей?

Обѣщайте никогда не встрѣчаться съ эсте-
тами, такъ иностранно произносящими русское
слово, съ эстетамъ, которые, конечно же, ос-
корбятъ васъ своими коллекціями, въ ко-
торыхъ покоятся лепестки когда-то живой
жизни.

Не встрѣчайтесь съ эстетамъ, этими хули-
телями жизни, съ этими высокомѣрными гур-
манами музейной пыли.

Не отравляйтесь также и ядомъ символиз-
ма, ибо говорить о Богѣ не значитъ имѣть
его. Нельзя говорить о нездѣшнемъ, попирая
все здѣшнее, нельзя говорить о духѣ, пре-
зрѣвъ душу даже самаго маленькаго изъ насъ.

Обѣщайте никогда не дружить съ тѣми,
кто не можетъ понять любви вашей, нѣжно-
сти вашей къ вещамъ, кто не понимаетъ, что
могутъ быть вещи, безконечно близкія вамъ.

А если захочется вамъ сосчитать звѣзды
на небѣ, остановитесь на дорогѣ и какъ бы
не ругались прохожіе, натыкаясь на васъ, обѣ-
щайте не уходить, не сосчитать звѣздъ на
небѣ.

Обѣщайте,—и это самое главное обѣща-
ніе,—никогда не допускать сѣдину въ души
ваши...

Обѣщайте!..

Викторъ Ховинъ.

О ПРОСТЫХЪ ИМЕНАХЪ ЯЗЫКА.

Имена Дальтона, Планка, Вейса и др. ука-
зываютъ, что каждое знаніе проходитъ сквозь
возрастъ закона кратныхъ отношеній. Язы-
ковѣдѣніе младше этого возраста. Но уже и
теперь на него падаетъ свѣтъ чисель.

Такъ задача о простыхъ именахъ языка
приближается къ своему рѣшенію съ помощью
точныхъ понятій.

Въ языкѣ столько простыхъ именъ, сколько
единицъ въ его азбукѣ—всего около 28—
29-ти; далѣе будутъ разобраны, какъ простые
имена, нѣкоторые согласные звуки

(М. В. С. К.)

О «М».

Имъ начаты имена самыхъ малыхъ чле-
новъ нѣсколькихъ многообразій.

Міръ растений: мохъ (игрушечный лѣсъ),
мурава (относительно деревьевъ).

Міръ насѣкомыхъ: мошка, муха, моль, муравей (ср. размѣры жуковъ и птицъ), мотылекъ.

Міръ животныхъ: мышь (бѣлка), мышъ (отношеніе: слоны, лоси), среди рыбъ—маленькая рыбка—мень.

Міръ зеренъ: зерна мака.

Міръ пальцевъ: самый малый мизинецъ.

Міръ времени: мигъ—наименьшій дѣлитель времени и махъ.

Міръ словъ о словѣ—молвить (разъ сказать).

Въ многообразіи отвлеченныхъ количествъ: малый, махонькій, меньшій (отъ «мень»), мелочи, мелкій.

Въ этихъ 19-ти словахъ. начатыхъ съ *М*, видимъ скитающееся одно и то же понятіе—наименьшаго количественнаго члена данной области.

При дальнѣйшемъ уменьшеніи онъ теряетъ качественные признаки своей области.

I. Слова многообразія возрастовъ (времени): малютка, младенецъ, молодь, мальки, мальчикъ—родственныя и помимо простого имени.

II. Далѣе именемъ *М* начаты имена вещей, дѣлящихъ другія на части: молотъ, мотыга, мельница, моль, молнія, мечъ, молотилка, млинъ, мель (какъ подводный камень), мѣшь и моль (уничтожающія одежду), мотъ, (дѣлитель состоянія), мышь, дѣлящій на части пространство залива, межа дѣлящая поле, моль, дѣлящій море, мостъ, дѣлящій рѣку, мѣра—изъ области отвлеченныхъ понятій, обращающая вещи въ нѣкоторое число равныхъ имъ частей, мѣна (ср. размѣнять), обращающая цѣлое въ части.

Въ дѣленіи этому порядку отвѣчаетъ дѣлитель.

III. Въ знаніяхъ понятіе «потомство» сближено съ понятіемъ «дѣленіе».

Съ *М* начаты слова: могу, могучій, мужъ, молодой, мощный, (дѣтская пища) молоко, молодые, молодь, медъ—слова размноженія, дробей семей и самодѣленія на части во времени (предковъ на потомковъ).

Съ *М* здѣсь начаты то числитель, то знаменатель дроби, въ основѣ которой дѣленіе.

Метъ (на, по) изъ этого же порядка.

Медленный—хмѣльной.

IV. Слова означающія предметы, состоящія изъ очень большаго числа частей—частицъ.

Въ дѣленіи имъ отвѣчаетъ частное: мусоръ, мука, мазь, мада (по), мело (по), мѣлъ, мѣхъ, макъ; отвлеченное понятіе «множество». Частицы въ почти безконечномъ числѣ заключены и въ мукѣ и мѣлу. Также масло, омутъ, мутъ, смуги.

V. Отвлеченныя понятія: молитва—дѣйствіе умаляющее, дѣлящее на части или чужой гнѣвъ или силы природы; мягкій—легко дѣлимый (макишь), мыло—орудіе, дѣлающее легко отдѣлимымъ одно вещество отъ другого

(дѣленіе на два). Край мола = дробленіе страны; мойка = раздѣленіе; мыслить, помнить, поминки, поминъ.

Мысль объ умершемъ есть его наименьшее дѣленіе, послѣдняя его часть, присутствующая среди участвующихъ въ поминкахъ: мысль объ умершемъ есть атомъ его жизни; *м*, *и*, *н* относятся къ I области *М*—словъ. Корень мнить указываетъ что образъ воспоминанія есть наименьшая частица бытія. Миръ конецъ дѣленія меча, его предѣлъ; моръ дѣленія безъ предѣла и отсюда ничто; $\frac{1}{\infty} = 0$;

«Р» присуще значеніе разрушенія преградъ; „О“ сохраняетъ значеніе *р*, «И» мѣняетъ на обратное. Первое значеніе слова *Мы*—сторона, подвергающаяся нападенію, дѣлимая; *Вы*—нападающая сторона, вторгающаяся. Если свести содержаніе *М*—имени къ одному образу, то этимъ понятіемъ будетъ дѣйствіе дѣленія. Иногда *м* встрѣчается какъ, приставка *мо* въ смыслѣ малый, ничтожный (мо-росить).

О «В».

Сквозь *В*—имя сквозитъ дѣйствіе вычитанія. *В*—именемъ начинаются имена животныхъ, наносившихъ вредъ сельскому быту древнихъ; волкъ, вепрь, воронъ, воробей, воръ, война, войско, вождь вои! вынуть, враги; въ области частнаго быта врунь, врозь (ломаніе вѣры), виноватые.

То, что оберегалось отъ первыхъ или вторыхъ (уменьшаемое) также начато *В*—именемъ: овощи, овинъ, овны, овцы, овесь, волю (сложно оводы)—отъ первыхъ; владѣнія, власть, воля, величіе—отъ вторыхъ; въ нравахъ—вѣра (средство беречься отъ «враговъ»), ворота, вино.

О «К».

К начинаетъ или слова около смерти: колоть, (по) койникъ, койка, конецъ, кукла (безжизненный какъ кукла), или слова лишенія свободы: ковать, кузня, ключъ, коль, кольпа, корень, законъ, князь, кругъ, или малоподвижныхъ вещей: кость, кладъ, колода, колъ, камень, котъ (привыкающій къ мѣсту).

Законъ и его книга вносятъ въ страну покой, какъ и его источникъ—князь.

Покой всадника данъ конемъ; покой инока келіей. Рабочему покой дается концомъ работы. Частицы въ камнѣ не двигаются. Исчезновеніе движенія—содержаніе *К*—имени: ему довольно близко дѣйствіе сложенія.

Ограничивающій мѣсто край даетъ красоту, кровь, (скрытую) крысу (кроющееся существо).

О «С».

Дѣйствіе умноженія близко къ *С*; с начаты самыя крупныя тѣла: слонъ, солнце, сомъ, самъ, сила, собраніе, сой, село, семья,

стадо, станица, стая, сто, садъ (объединенія частей).

Множители (объединители), союзъ, соль, сладость, судъ, (по), соль, слава, слово, слухъ; сѣмя, сынъ, сонъ. Ось объединенія племени: судъ, старецъ, сивый, сизый, сѣдой, «самъ». Сой (племя) и сивый (источникъ племени) относятся также другъ къ другу какъ бой и убивецъ, бивень. Если дѣдъ давно прошедшій — дѣй = рабочая сила въ отставкѣ (даю, дадено), то и сѣдой — сѣй (сѣятель, семьянинъ) въ отставкѣ. Весна до размноженія, осень — послѣ.

Благодаря славѣ, слову, слухамъ извѣстный умственный образъ становится достоянiемъ множества людей (умноженiе) повторяясь въ нихъ и число зрителей чего либо благодаря славѣ безконечно растетъ. Кстати, осень и осель также относятся другъ къ другу, какъ весна и веселый: осель = ослухъ = непослушный; вечеръ — ворота въ темноту (черное), веселый — какъ согласный, послушный; весна — ворота во что-то, осень — конецъ ихъ. Тынъ и темя родственны сынъ и сѣмена. Мы думаемъ, что за С именемъ скрытъ отвлеченный образъ дѣйствiя умноженiя.

Викторъ Хлѣбниковъ.

ОПАВШЕ ЛИСТЯ.

И. Г.

...Строить тотъ одинъ,
кто способенъ къ изну-
ряющей мечтѣ.

В. Розановъ.

Падаютъ съ осеннихъ вѣтвей листья. Падаютъ желтые, золотые, устилая зябкую землю шуршащимъ ковромъ.

«Осень — и ничего нѣтъ. Какъ страшна осень».

Падаютъ неприютныя въ мирѣ, болью звенящiя слова:

«Душа озябла... Страшно, когда наступаетъ ознобъ души»...

И только о своей боли всѣ строки Розанова, и только о себѣ — каждая страница его. Не только о себѣ, но и про себя.

«Шумитъ вѣтеръ въ полночь и несетъ листья... Такъ и жизнь въ быстро-течному времени срываетъ съ души нашей восклицанiя, вздохи, полу-мысли, полу-чувства.»...

Но вотъ изъ взметенныхъ желтыхъ тумановъ опавшихъ листовъ вырываются уже не вздохи, не восклицанiя, а крики и стоны.

«Больше любви, больше любви, дайте любви! Я задыхаюсь въ холодѣ! У, какъ вездѣ холодно!»

Зябкимъ комочкомъ сжалась душа.

И не въ зябкомъ ли страхѣ одиночества писалъ Розановъ о бракѣ, семьѣ, полѣ? И не тогда ли упали эти слова:

«Не сходи съ лѣстницы своего дома — тамъ зло. Дальше дома зло уже потому, что тамъ равнодушiе».

Вѣдь страшнѣе, обиднѣе равнодушiя, развѣ только «любовь» тѣхъ, кто дальше дома, *безлюбая* любовь ихъ.

Но боль, и страданiе Розанова еще и въ томъ, что онъ не можетъ не писать, не можетъ утаить въ себѣ своего сокровеннаго.

«Всякое движенiе души у меня сопровождается *выговариванiемъ*. И всякое выговариванiе я хочу непременно *записать*. Это инстинктъ».

А листья, опавшiе съ души въ глухомъ уединенiи ночи, въ тревогѣ изнуряющей мечты, не *должны* быть записаны. Тяжелымъ крестомъ несетъ Розановъ этотъ инстинктъ. Вѣдь кто, какъ не онъ, сказалъ, что толпа не любить, когда кто-нибудь имѣетъ *свою*, не общую душу.

Имѣетъ, только имѣетъ, а Розановъ показываетъ эту *свою* душу, и показываетъ ничѣмъ не прикрытую, никакой смиренной личиной не оправданную. Вѣдь развѣ можетъ толпа эта понять истинную суть его горькаго цинизма:

«Я не хочу истины, я хочу покоя».

Можетъ быть никогда такiя бунтарскiя, такiя взбудораженныя слова не говорились такимъ надорваннымъ голосомъ, не падали въ такой глухой тишинѣ замкнувшагося въ себя страданiя.

«Нравственность», «политика», «любите враговъ вашихъ» — шумятъ, толкаются, звенятъ дешевыми побрякушками тамъ, за окномъ, дальше дома.

И трудно понять боль или насмѣшка:

«Даже не знаю черезъ «ѣ» или «е» пишется «нравственность». И кто у нея папаша былъ — не знаю, и кто мамаша, и были ли дѣточки, и гдѣ адресъ ея — ничегошеньки не знаю».

А его пресловутый политическiй цинизмъ — развѣ не такая же издѣвка, издѣвка боли, не такой же презрительный пинокъ?

Вы понастроили себѣ идоловъ и тѣшите себя ими, а они мнѣ мѣшаютъ жить, увидѣть жизнь, настоящую, за всѣмъ этимъ хламомъ, заношеннымъ вами.

Да и просто мнѣ надоѣло на нихъ смотрѣть, и вотъ — кричите, возмущайтесь! — Я сбрасываю ихъ пинкомъ, однимъ пинкомъ.

А надъ обломками разбитыхъ идоловъ вашихъ я прокричу вамъ свою «заповѣдь» — вѣдь какъ же вы жить-то будете безъ заповѣдей?

— „Народы, хотите ли я вамъ скажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ...“

— Ну? Ну?... Х—х...

— Это—что частная жизнь выше всего.

— Хе—хе—хе!.. Ха—ха—ха!.. Ха, ха!..

— Да, да! Никто этого не говорил; я первый... Просто, сидѣть дома и... смотрѣть на закатъ солнца.

— Ха—ха—ха!..

— Ей—ей: это —общье религии... Всѣ религии пройдутъ, а это останется: просто—сидѣть на стулѣ и смотрѣть вдаль».

Да, уйти въ себя, сжаться въ комочекъ и смотрѣть, какъ вечеръ сметаетъ съ неба золото солнца.

«Я такъ люблю покой... и закатъ вечера, и тихій вечерній звонъ».

Ну, смѣйтесь же, сѣренькіе пиджачки, плюйте, плюйте, вѣдь это такое *живое* мѣсто.

Что могъ сдѣлать Розановъ со своей одинокой душой, какъ не уйти въ себя, запереть наглухо двери «своего дома» и поставить надо всѣмъ, превыше всего свои полу-мысли, полу-чувства.

«Каждая моя строчка есть священное писаніе, и каждая моя мысль есть священная мысль, и каждое мое слово есть священное слово.

— Какъ вы смѣете?—кричитъ читатель.

— Ну вотъ такъ и «смѣю»—смѣюсь ему въ отвѣтъ я».

Конечно, любители «литературы», блюстители устоевъ ея, возмущены; и не случайно, что каждая его мысль, рожденная въ неизбывной мукъ, встрѣчается злымъ окрикомъ или презрительнымъ смѣхомъ. И, можетъ быть, въ этомъ главная причина его боли.

Не крестъ ли, не вѣчная ли мука въ томъ, что каждая строчка, каждое слово роковымъ образомъ попадаетъ, *должно*, по самой сущности писательства, попасть этимъ базарнымъ кликушамъ на осмѣяніе и поруганіе.

«Секретъ писательства заключается въ вѣчной и *невольной* музыкѣ въ душѣ. Что-то течетъ въ душѣ. Вѣчно».

Но вѣдь къ этой «музыкѣ въ душѣ» нужно умѣть прислушаться, нужно умѣть *услышать* ее. А кто прислушается, и какъ услышать?

Одно есть средство, одинъ путь: возлюбить покой, тишину и уединеніе.

Уединеніе—для Розанова лучшая защита отъ одиночества. Розановъ хочетъ заглушить отчаяніе одиночества: онъ разсуждаетъ, философствуетъ, насмѣхается, критикуетъ, но онъ рѣдко бываетъ спокоенъ. Изъ каждой строчки рвется надорванный крикъ:

«Болишь душа, болишь душа, болишь душа»...

И тогда онъ бросается къ тому, что за минуту передъ тѣмъ разрушалъ; таково его обращеніе къ церкви, къ молитвѣ.

Какъ часто циническая усмѣшка философа смѣняется широкимъ, истовымъ крестнымъ

знаменіемъ настоящаго русскаго, землеваго мужичка...

Но и церковь и молитва—все это, какъ и мечта, какъ и покой, чтобы не было отчаянія.

Онъ чувствуетъ, что перемѣстился въ литературѣ центръ тяготѣнія, что въ его строкахъ, какъ будто мимолетныхъ, полное разрушеніе всего доселѣ бывшаго, полный уходъ отъ него.

И въ этомъ все значеніе листьевъ опавшихъ, все значеніе Розанова.

Пусть просвѣщенные эстеты, наклеиватели ярлыковъ и охотники за «идейками» тѣшатся гнилыми, подточенными сырой зябью, листьями—ихъ не мало въ книгахъ Розанова.

Но, вѣдь, все это пройдетъ: и его философія, и его религиозныя исканія, и вопросы пола, семьи; и лишь то, что онъ сказалъ съ такой судорогой о *себѣ*—это останется.

Борисъ Гусманъ.

27—XII—15 г.

О ВЫСТАВКѢ «ПОСЛѢДНИХЪ ФУТУРИСТОВЪ».

Грозный, вспыхнувшій уносящею силой юности—въ Россіи, Италиі, Франціи—Футуризмъ, даль знакъ могучей борьбы съ великимъ музейнымъ похоронщикомъ всякой жизни—Академизмомъ, долго насаждавшимъ въ творествѣ правила погребенія.

Футуризмъ яростно билъ вдребезги марморныя доски золотыхъ правилъ человѣческаго отупѣнія и пошлости, плотно закрывавшихъ свѣтъ всего міра. Какъ послѣ потопа явилась радость новыхъ людей—новое искусство. Зацвѣли вновь открытыя пространства, а въ стремительномъ убѣгѣ изъ тьмы, гдѣ чудились академіи всего міра доглядываютъ и теперь многихъ—была перевернута и разбита вся предметность, угнетенная долгимъ, обрыдлымъ подчиненіемъ.

И отъ этого сущность вещей стала творчески великой.

Звала на подвиги вырывавшихся отъ сѣданиа.

Но немногіе рѣшились пойти впередъ. Первый вопросъ былъ о пространствѣ:

«Гдѣ» и «Куда»?

Отвѣтъ уже шелъ отъ Лобачевского, Римана, Пуанкаре, Бушэ, Хинтона, Минковского:

«О новыхъ воспріятіяхъ и мѣрахъ пространства и времени».

И немногіе, истинные сыны Будущаго, Футуристы, ослѣпляемые потоками свѣта и движенія, отчаянно бившіе толщу непониманія—смѣло двинули впередъ знаніе пространства, объемовъ, тяжести, колебаній и движенія.

Слабые же, напуганные прошлымъ и будущимъ—жались къ старымъ щелямъ темнаго жилища, гдѣ подъ видомъ «новаго» объявляли себя послѣдними хозяевами и ничемно ворошили не ими разбитое и уже негодное, дѣйствительно внѣ смысла и разума.

Привѣтствуя всякое исканіе новаго, радостно, хотя бы и не до конца, найденное, признаемъ такимъ «Новымъ живописнымъ Реализмомъ» К. Малевича, почему то названный академично: «Супрематизмъ».

Идея самостоятельности краски въ живописи, выявление самосвойственности каждаго матеріала, имѣеть свою исторію, но Малевичъ почувствовалъ эту идею сильно по новому. Какъ онъ справился съ «Новымъ» дѣло другое. Огромная цѣнность его устремленія плюсъ. Минусъ же—невидержанность «знака сокрытія» до сильно защищеннаго тѣла и недостаточность пониманія условій новой мѣры. Вся трудность проведения его идеи заключена въ отрицаніи формы идущей въ ущербъ окраскѣ. Окраска должна стать выше формы настолько, чтобы не вливаться ни въ какіе квадраты, угольники и пр. Кромѣ этой трудности, надо выразить динамику краски, т. е. ея движеніе. И если здѣсь не все исполнено, то виной Москва художниковъ, стремящаяся отдать все за мигъ первенства. Тутъ ужъ нечего беречь. Кто скорѣе скажетъ новое, тотъ и король! Вдобавокъ, пара добрыхъ друзей, какъ разъ всю твою новостъ изъ подъ носа свиснетъ. Гдѣ ужъ тутъ беречь, да вынашивать. Не выявится цѣнность—за то на ней можно съ трескомъ прокатиться. Москва полна абортами всякихъ «измовъ». Хотя бы въ спиртъ ихъ для назиданія.

Выставка Послѣднихъ Футуристовъ, очевидно, уходящихъ въ прошлое. Истинный Футуризмъ есть искусство будущаго и игра съ обратимымъ прилагательнымъ опасна! Самыя интересныя работы—Малевича и Татлина. Хочетъ видѣть «Новое» Малевича въ большихъ не разбитыхъ массахъ красокъ. Въ замельченности введенныхъ красочныхъ плановъ чувствуется отрывъ отъ «Кубо», не завершенный и изломавший тамъ, гдѣ надо утвердить со всей силой живописныя массы просто и безхитростно, но исполненіе и идея настолько интересны, что даютъ сильное впечатлѣніе наступающаго сдвига въ искусствѣ.

Малевичъ—большая аккумуляторная сила, заряжающая себя и другихъ на «Новое». Сильнымъ гальваническимъ токомъ его былъ оживленъ Клонъ, умиравшій въ смертно-тоскливомъ подражаніи французскому Архипенкѣ, и далъ довольно живое повтореніе новой идеи Малевича.

Пуни, непримѣтившій властнаго требованія новыхъ идей пространства, далъ въ живописныхъ работахъ лишь нудную борьбу съ обрядомъ предметностью своего быта: никакіе ма-

нифесты не спасутъ отъ этой скуки ворошенія въ старомъ, разбитомъ хламѣ.

Его шаръ въ зеленомъ ящикѣ, лучшая изъ его вещей, но явно кубистическая.

Розанова въ живописи—повтореніе пройденнаго съ прекрасной техникой; въ скульптурѣ—беззаботный подскокъ къ пространству на удачу, съ веселыми вещами для младшаго возраста Марсіанъ.

Богуславская. Вѣжливо кланяемся ей кубу изъ прессованной ваты и его шляпѣ. (Послѣдній фасона К. Малевича).

Кульбинизмъ означился Каменскимъ (пострадавшій Евреиновъ) и Лурье, поигравшій музыкально квадратами Малевича.

Попова, безрадостно повторяющая великолѣпіе разбитаго заграничнаго хлама, пластично скучна. Еще нѣсколько скучнѣй Удальцова и Пестель. Васильева переходъ въ пальто и калошахъ изъ передвижничества въ послѣдній Футуризмъ. Кирилова лучше исходить изъ Удивительнаго Филонова, чѣмъ изъ Интереснаго Малевича, всего слабѣе изъ самой себя.

Татлинъ безусловно большой художникъ, сильно чувствующій пространство, но его настоящія работы слабѣе прошлогоднихъ несмотря на интенсивность конструктивной идеи.

Отсутствіе интересной литературы по Футуризму на выставкѣ, объясняется профессиональной малокультурностью и непониманіемъ общности задачъ.

У кого хватило духа и смысла изъ о—го давить четвертой цензурой своего же брата товарища футуриста-поэта, столь любезно приглашающаго товарища футуриста-художника экспонировать въ своихъ книгахъ. Неужели цѣлые годы совмѣстной работы прошли безслѣдно и не научили художниковъ, понимать слово-творчество и, высоко его цѣня, —бережно относиться къ нему. Быть можетъ и это уйдетъ въ прошлое! Заявляю, что я несмотря на обращенные къ указаннымъ художникамъ упреки—всѣмъ считаю ихъ способными на большое творчество. Считаю ихъ технику прекрасной, у нѣкоторыхъ превосходной. Материалъ имъ подчиняется безусловно, но путь достиженія и темпъ, спортивно-поверхностный и по своему требуетъ безусловной сосредоточенности, у каждаго совершенно индивидуально. Только то идетъ въ вѣчность, что подчинено глубокому сокрытію и трудному постепенному воплощенію. (Сезаннъ).

Наши идеи—тѣ же дѣти, они такъ же растутъ, ихъ нельзя, не задумываясь, обижать, пуская безсильными, не защищенными въ свѣтъ. Не этимъ ли объясняется, за малыми исключениями, очень слабый уровень интуитивнаго творчества всего товарищества «Послѣднихъ»?

Отъ души пожелаемъ имъ всѣмъ просвѣтленія и изъ послѣднихъ стать первыми.

1916. Январь.

М. Матюшинъ.

P.S. Была безусловно интересная лекція 13 янв. въ залѣ Тенишевой о Супрематизмѣ живописи, творцомъ котораго является К. Малевичъ. Прежде чѣмъ сказать о самой лекціи — привожу главныя положенія идей Малевича, изложенныя имъ въ книжкѣ «Отъ Кубизма къ Супрематизму» вып. изд. «Журавль» въ дек. пр. г.

«Творчество лишь тамъ, гдѣ является форма, не берущая ничего созданнаго въ натурѣ. Динамизмъ живописи есть бунтъ къ выходу и господству самоцѣльныхъ живописныхъ формъ надъ разумными. Въ Футуризмѣ встрѣчаемъ обращеніе къ предметамъ, отчего надо отказаться ради чистаго живописнаго созданія новыхъ творческихъ формъ. Кубизмъ идетъ черезъ уничтоженіе вещи къ чистой живописи и оба усилія въ своей сути стремятся къ Супрематизму живописи, къ торжеству надъ цѣлесообразными формами.

Чтобы передать чисто красочное движеніе, надо обратиться непосредственно къ массамъ живописнымъ, какъ таковымъ, и искать въ нихъ форму, имъ присущихъ.

Изображенныя въ картинахъ уродства человѣческаго тѣла и другихъ формъ, происходятъ оттого, что творческая воля не согласна съ этими формами и ведетъ борьбу съ художникомъ за свой выходъ изъ вещи. Уродство было доведено у самыхъ сильныхъ почти до исчезающаго момента, но не выходило за рамки нуля. Но я преобразился въ нуль формъ и вышелъ за 0—1».

На лекціи было сказано и «Новое» въ новомъ К. Малевичемъ.

Дикарь привелъ человѣчество къ академіямъ черезъ громадный проходъ міровой эволюціи въ пластахъ постоянно копирующаго реализма. Это отъ него точность передачи реального перешла въ канонъ, охраняемый академизмомъ. Освобожденіе отъ предметности, засаженной копирующимъ здравымъ смысломъ въ тюрьмы полотень, линий, звуковъ, словъ — начато футуризмомъ и кубизмомъ. Эти — свергшіе иго канона, освободили искусство отъ плгиата и привели къ пониманію творчества — внѣ здраваго смысла, условности предметнаго. Отсюда отказъ Супрематистовъ отъ копій природы и выходъ къ самосвойнымъ формамъ всей сути вещей — черезъ творца въ искусствѣ. Предметность несетъ въ себѣ свойства, неизвѣстныя человѣческому разуму, основная суть которыхъ можетъ быть почувствована не въ ея конкретной формѣ, а претворенной высшимъ интуитивнымъ разумомъ. Новой идеѣ Малевича глубоко противно нанесеніе на хол-

сты живыхъ формъ — задержанныхъ въ разбѣгѣ и обреченныхъ пытку умирать статично въ движеніи. Это лишь не осознанное мучительство и грабежъ «съ природы!» Художникъ долженъ теперь въ своемъ глубинномъ «Я», отторгшемся отъ всѣхъ мѣръ и условій «зачать» отъ природы, въ большемъ «сокрытіи» выносить и родить еще невиданное и не копируемое, пришедшее въ міръ въ тяжелой мукѣ радостнаго служенія новому воплощенію землѣ. Новый творческій интуитивный разумъ, смѣнившій не осознанную интуицію, дастъ всю силу познанаія художнику. Дай Богъ ему добрый путь и часъ!

Докладъ о новомъ И. Пуни къ сожалѣнію только скопированъ по своему отъ всѣхъ заграницъ и покрытъ новенькимъ лакомъ остроумія на случай — для публики. Благодаримъ... уже смѣялись три года назадъ на лекціяхъ! Синтетическая часть доклада поднялась въ сссылкахъ на Сезанна и быстро упала въ томительныхъ демонстраціяхъ своихъ же произведеній, но еслибы не никчемная полемика съ Бенуа и не веселенькіе имянинные стишки по случаю, — подобный докладъ, во всякомъ случаѣ, интереснѣе всякихъ г.г. Сперанскихъ, Бальмонтовъ и пр. Пангуровъ понятно обжеванного искусства.

1916. Январь.

М. Матюшинъ.

РИТМЪ ЖИЗНИ.

«Никто лучше не можетъ исполнить приказанія, чѣмъ солнце, если ему приказать взойти на слѣдующій день».

Приказывать жизни, зная законы движенія времени: но до сегодня не могли пробраться въ желѣзно запертыя его кладовыя. Послѣ Хлѣбникова не ключъ, такъ отмычка въ нашихъ рукахъ. Жизнь на планетѣ часть планеты: законы движенія жизни подобны законамъ движенія земли, — спирали, окруживаемой землей въ пространствѣ, подобна другая, окруживаемая жизнью во времени. Не кругъ, а спираль *для земли* — въ силу движенія солнца, *для души народа* — не совпаденіе съ бывшимъ, а сходство по схемѣ — въ силу измѣненія въ потокѣ времени. Зная время, въ которое жизнь оканчивается полный завитокъ спирали, можно предугадать каждый будущій день, какъ восходъ солнца. Казалось бы, время возвращенія $x = 365$, какъ для земли, но Хлѣбниковъ опредѣляетъ $x = 365 \pm 48'$, особенно значущее 317 — частный случай закона. Это укло-

*) В. Хлѣбниковъ. Битвы 1915—17 гг. Новое ученіе о войнѣ.

В. Хлѣбниковъ. «Онъ сегодня» статья въ барабанѣ футуристовъ „Взять“, декабрь 1915 г.

неніе вызвано неизвѣстными пока причинами, кроющимся въ самой жизни, или же 317—число обращенія солнца вокругъ неизвѣстнаго намъ центра: здѣсь полная тьма, ибо мы не изучили еще причинъ могущихъ быть укло-неній.

Если жизнь народовъ связана съ движеніемъ земли и солнца, то приливъ и отливъ поколѣній выпиты Хлѣбникова связываютъ съ луннымъ числомъ—28.

Законъ Хлѣбникова: черезъ 28 лѣтъ истина мѣняетъ знакъ на обратный—первый изъ безчисленности болѣе сложныхъ: фигуры очерчиваемыя луной въ пространствѣ проектируются неисчислимымъ богатствомъ оттѣнковъ жизненнаго ритма. Пусть неточны и кажутся произвольными вычисления Хлѣбникова—точность и произвольность дѣло будущаго; пока не открылись двери надо вползати въ пробитую Хлѣбниковымъ тѣсную лазейку.

Указывали давно—и удивлялись повторяемости и возвращенію, какъ мистическому. Изслѣдовавъ законы ритма жизни, мы, по словамъ Крученыхъ, «рискуемъ взять въ свои руки рукоятъ *чиселъ исторіи* и вертѣть ими, какъ машинкой для выдѣлки кофе».

Мельница—а не мистика!

Существованіе же закона, опредѣляющаго числомъ ритмъ жизни, можно видѣть простымъ глазомъ; даже невнимательно прослѣдивъ событія своей жизни, найдешь ритмичную повторяемость опредѣленныхъ соотношеній. Законы Хлѣбникова—первый стукъ отбивающаго тактъ ритма жизни, крикъ рождающейся науки, которой предстоитъ измѣнить жизнь болѣе, чѣмъ всѣ бывшія «великія» открытія.

Знаніе законовъ времени вывернетъ привычное представленіе о мірѣ—и не случайно здѣсь имя поэта Хлѣбникова.

Предстоитъ, можетъ быть, работа нѣсколькихъ поколѣній изслѣдователей, прежде чѣмъ его исчисления перестанутъ казаться праздными, но и теперь этотъ «осколокъ несобранаго закона» имѣетъ большое значеніе «какъ удачный градъ стрѣлъ въ чью-то тупую шею».

Михаиль Козыревъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВИКТОРУ ХОВИНУ.

Васъ конечно поразитъ форма моего письма и подпись подъ нимъ стоящая.

Впрочемъ, Васъ то это не поразитъ, ибо слишкомъ Вы меня знаете и все обо мнѣ знаете, и къ «вывертамъ» моимъ давно привыкли; главное же вѣрите, что «выверты»

мои и не выверты вовсе, а самое искреннее, несомнѣнно искреннее.

Такъ вотъ, Васъ то это не поразитъ и въ искренности моей Вы тоже не усумнитесь, а вотъ другихъ поразитъ и усумнятся.

На самомъ же дѣлѣ все—очень просто: шель по улицѣ и вдругъ афиша одна поразила (какая—объ этомъ потомъ), такъ поразила, что все сразу и написалось въ формѣ такой необычайной.

Только пусть не подумаютъ, что здѣсь раздвоеніе личности какое то, что здѣсь на лицо два Виктора Ховина,—одинъ «старый», перелома внутренняго не пережившій, а другой «новый», или вѣрнѣе обновленный и что первый передъ вторымъ лебезитъ, ошибки замаливаетъ и примиренія ищетъ.

Кто заподозритъ, тотъ навѣрное промахнется.

Вѣдь понять нужно, что Вы, можно сказать, редакторъ и редакторъ альманаха, который существовалъ, существуетъ и будетъ существовать (это я специально для Васъ, знаю, что любите на этомъ настаивать), что Вы личность, жизнью обширной живущая, разносторонней, а тутъ вопросъ частный, совсѣмъ частный, въ которомъ я, *исключительно я*, заинтересованъ.

Вѣдь можно же себѣ представить, что есть *вообще* Викторъ Ховинъ, вотъ тотъ самый—редакторъ и личность, а есть еще *такъ себѣ* Викторъ Ховинъ, частный, такъ сказать,—хотя бы напр. по Невскому прогулки совершающій. Такъ вотъ я и есть «частный» и съ вопросомъ частнымъ, и частнымъ образомъ завязнувшій въ немъ.

Вопросъ то, о которомъ говорю я, это—вопросъ объ Игорѣ Сѣверянинѣ или даже шире—о сѣверянизмѣ вообще.

Помните же Вы, я думаю, какъ я Вамъ стихи Сѣверянина подъ руку совалъ при составленіи альманаховъ и на поэзовечерахъ выступать убѣждалъ вѣдь тоже я, и такъ умѣлъ это дѣлать, такъ убѣдительно, такъ горячо, что Вы (редакторъ и личность) съ головою въ сѣверянизмъ шли.

А *теперь*, какъ полагаете, легко мнѣ, когда ни стиховъ, ни поэзовечеровъ? Т. е. есть они, но безъ Васъ! Вы то ушли отъ нихъ; просто отвернулись и ушли, даже безъ объясненія причинъ,—вопросъ молъ частный, а у меня интересы обширнѣйшіе и пр. А я то при чемъ остался? Могу ли я «частный», весь въ данномъ случаѣ изъ этой частности состоящій, могу ли я оставить все это безъ вниманія? У Васъ тамъ, конечно, интересы, но на этотъ разъ позвольте ужъ объяснить, вѣдь хотя и «частный», но все же живой я человекъ.

Впрочемъ и объяснять то недолго, и тутъ все очень просто. Поэтъ, казалось, съ талантомъ громаднымъ и въ своей первой книгѣ

новаторство за рога схватившій, а потомъ вдругъ — поэзо-антрактъ; правда первый то съ увеселеніями еще былъ, а дальше просто антракты и антракты, безъ конца. Въмѣсто новаторства бунтарскаго — нудная, трусливая, успѣха алчущая безвусица.

Но каково мнѣ было, даже тогда еще, когда о «Златолірѣ» Вы *полухвалебную* рецензію помѣшали, при моемъ то восторженномъ отношеніи къ бунтарству «Громокипящаго Кубка»?

Не хотѣлось развѣ мнѣ помѣшать Вамъ?

А на поэзовечерахъ, когда Вы распинались, т. е. я въ Васъ распинался за того Сѣверянина, котораго полюбилъ, и когда еще базарь, въ особенности провинціальный и московскій, возмущался — хвалить Сѣверянина на поэзовечерахъ Сѣверянина (ну, впрочемъ, на то и базарь, гдѣ понять ему), такъ когда на этихъ поэзовечерахъ я вдругъ пошлятину Виноградова услышалъ, какъ я себя передъ Вами чувствовалъ?

Ну, за Сѣверянина я готовъ былъ тогда еще отвѣчать, но Виноградовы то тутъ при чемъ были?

Когда же Масаиновъ завыступалъ, такъ я со стыда въ Москву Васъ увезъ отъ выступления (еще Вы на афишѣ тогда стояли), думалъ авось пройдетъ, или время хоть выиграю, чтобъ сѣверянизмъ свой обдумать.

Услышавъ же впервые Масаинова, я уже со всѣмъ отступилъ; видѣлъ, что смѣтаетесь, но пререкались съ Вами не посмѣлъ.

Гдѣ ужъ тутъ пререкались?

Всякая пошлость, всякій низокъ бываетъ, вотъ напр. проповѣднички всякіе, жизни съ эстрады поучающіе, — такъ вѣдь это — пошлость ядренная, пошлость крѣпкая, за себя постоять могущая, а вѣдь Масаиновская пошлость, у тѣхъ же проповѣдничковъ нахваченная и вдо-

бавокъ неумная (а вѣдь проповѣднички бываютъ и умники). И не только неумная, но и вредная, на новаторствѣ, или вѣрнѣе, на глупой неразборчивости публики спекулирующая.

Сами же помните лоское лицо дамы почетной на поэзовечерѣ и слова ея: «ахъ ужъ эти футуристы, такіе забавники».

Какъ же не забавники? Вѣдь додуматься нужно было, чтобы Ивановъ Ивановичей за «Пупсика» обвинить. Конечно «Пупсикъ» — «Пупсикомъ», но вѣдь всякому пупсику предѣлъ есть...

Ну, а теперь объ афишѣ вышеупомянутой; хотя афиша и мелочь, но сказать о ней очень нужно. Афиша эта была о 9-мъ поэзовечерѣ Игоря Сѣверянина. Все какъ слѣдуетъ, всѣ пупсики на мѣстахъ и вдругъ новымъ афиша обернулась.

Такъ и затарашилось въ глазахъ: «артисты художественнаго чтенія» (это у насъ то въ Петроградѣ при всѣхъ Евреиновыхъ) прочтеть «какъ хороши, какъ свѣжи были розы» Тургенева (восторгъ то, восторгъ публики представляю себѣ).

Всего ожидалъ, но этого... этого не ожидалъ.

Впрочемъ, сами Вы понимаете.

Однако долженъ же я сказать не для Васъ, такъ для другихъ и могу же я рассчитывать на публичность словъ своихъ:

— Г-да, здѣсь не только футуризма нѣтъ, не только бунтарства нѣтъ, а это — штампованная калоша безвкусія, на ступню новаторства совсѣмъ не налѣзающая и не пригодная *даже* для кривенькихъ ножекъ скромно-непритязательнаго публичнаго искусства.

11-го Января 1916 г.

Викторъ Ховинъ.

Въ извѣ „Очарованный Странникъ“ вышла и поступила въ продажу новая книга.

Рюрикъ Ивневъ,

САМОСОЖЖЕНІЕ.

(Откровения).

Кн. I, листъ 3.

ЦЕНТРИФУГА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА, Погодинская, 4, 45.

НОВАЯ ТУРБОИЗДАНИЯ:

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОТЪ

ВЕДОРА ПЛАТОВА.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ

ЦЕНТРИФУГИ.

Василій Каменскій.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

РОМАНЪ.

Вышелъ и находится въ продажѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ.

Четвертый годъ изданія

на еженедѣльный журналъ Сатиры и юмора

Новый Сатириконъ

Всѣ годовые подписчики получаютъ

52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата. Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

Кромѣ того, внесшіе годовую плату подписчики получаютъ:

3 БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

1) 1 обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституціи.

2) „Вѣстникъ знанія новаго сатирикона“.

3) первый выпускъ „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“:

1) ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ:

2) ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІИ СЛОВАРЬ.

3) СПИРИТИЗМЪ и ОККУЛЬТНЫИ НАУКИ.

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей.

Работа известнаго художника Ре-ми (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки: На 1 годъ—6 руб. 80 коп.

Съ доставкой и пересылкой: На годъ—8 руб. ½ года—4 р.

3 мѣсяца—2 руб. 1 мѣсяца—70 коп.

Допускается разсрочка: При подпискѣ 3 р., 1-го Мая 2 р., 1-го Юля и 1-го Сентября по 1 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій 88. Тел. 59-07.

Редакторъ:

Аркадій Аверченко.

Издатель:

Т-во „Новый Сатириконъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

2-й годъ изданія.

„Журналь-журналовъ“

Еженедѣльникъ новаго типа.

Органъ критической мысли и календарь литературы, искусства и общественной жизни.

Въ вышедшихъ №№ были напечатаны статьи и замѣтки:

Арк. Аверченко, Ник. Ашешовъ, Вл. Азовъ, Арк. Буховъ, А. Н. Будищевъ, Вад. Бѣловъ, И. Василевскій (Не-Буква), А. Л. Вольнскій, Ю. Волинъ, Евг. Вѣнскій, Л. Галичъ, Н. Герардовъ, Ал. Гидони, Н. Грушко, Н. Глѣбовъ, Бор. Гу-иъ, Л. Добронравовъ, Евграфъ Дольскій, Н. Долговъ, Ал. Дейчъ, Н. Евреиновъ, Иннокентій Жуковъ, А. Заринъ, Н. Зеленко, Еф. Зозуля, Маркъ Криницкій, А. И. Купринъ, Н. Кульбинъ, А. Е. Кауфманъ, Е. Колтоновская, Н. О. Лернеръ, М. Левидовъ, Евг. Мауринъ, Б. Мирскій, И. Накатовъ, С. Недолинъ, Незнакомецъ, И. Е. Рѣпинъ, О. Л. Д'Оръ, Як. Окуневъ, Онѣгинъ, Ал. Ожиговъ, Л. Пасынковъ, И. Потапенко, Пессимистъ, П. Пильскій, В. Протопоповъ, М. Пустыннинъ, Вас. Рeginинъ, Скиталець-Яковлевъ, М. Соломоновъ, Ил. Соломинъ, Бор. Садовской, Игорь Сѣверинъ, С. Сѣдлецкій, Ал. Тамаринъ, Ал. Тиняковъ, И. Туркельтаубъ, Тэффи, Л. Фортунатовъ, К. Чуковский, М. Чуносовъ, Н. Шебуевъ, Щепкина-Купринъ, I. I. Ясинскій и мн. др. Редакторъ—И. Василевскій (Не-буква).

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 63. Телефонъ 169—55.

Подписка принимается также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ всей Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 г.—4 р. 50 к., на ½ г.—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяць—55 коп.

Бесплатная премія: Новые подписчики, полностью внесшіе годовую плату за 1916 г., получаютъ при подпискѣ бесплатно всѣ вышедшіе №№-ра „Журналь-Журналовъ“.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОСТЬ

Издается въ Петроградѣ подъ ред. А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближ. участіи Ю. Вейсбергъ, В. Г. Каратыгина, пр. И. И. Лапшина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго, Ю. Д. Юнгеля и др.

Печатается, будетъ разослана подписчикамъ и поступитъ въ продажу въ началѣ февраля двойная (Декабрь-Январь) книга, посвященная цѣликомъ

А. Н. СКРЯБИНУ.

Въ виду полного израсходования I и II книги и I-9 вып. «Хроники».

Годовая подписка на журналъ прекращена.

Подписка принимается лишь съ III книги и 10-го вып. «Хроники».

Подписная цѣна—10 руб. Подписной годъ считается съ сентября.

Адресъ ред. и глав. конторы: Петроградъ, Свѣчной пер. 2, кв. 12. Тел. 643-07